

**Вопросы философии и
психологии**

Книга 97

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
В74

В74 Вопросы философии и психологии: Книга 97 / – М.: Книга по Требованию,
2021. – 318 с.

ISBN 978-5-458-04745-6

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04745-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Панметодизмъ въ этикѣ.

(Къ характеристикѣ ученія Когена.)

I.

„Кто пишетъ этику, тотъ какъ бы поселяется въ стеклянномъ домѣ“¹⁾. Это изреченіе Когена всего менѣе оправдывается его собственною „Этикою чистой воли“. Въмѣсто „стеклянныхъ стѣнъ“ читатель находитъ здѣсь сложный лабиринтъ, окутанный густымъ туманомъ.

Съ первыхъ же словъ онъ сталкивается съ рядомъ недоумѣній. Прежде всего неясенъ самый *предметъ изученія*. Въ началѣ изслѣдованія авторъ говоритъ, что таковымъ является *человѣкъ*: онъ занимаетъ центральное мѣсто въ этикѣ, которая въ свою очередь является центральной дисциплиной въ философіи; поэтому *человѣкъ*—средоточіе и содержаніе всѣхъ цѣнностей послѣдней²⁾. Однако, рядомъ съ этимъ оказывается, что въ фундаментѣ этики *человѣкъ*—на второмъ планѣ. Здѣсь, по признанію Когена, представляется болѣе существеннымъ и важнымъ вопросъ объ искусственномъ, юридическомъ лицѣ. Неудивительно, что въ серединѣ своего изслѣдованія авторъ задается вопросомъ—приложима ли его этика къ *человѣку*³⁾.

Въ „Этикѣ чистой воли“ кромѣ фундамента есть еще и верхній этажъ, гдѣ *человѣкъ* какъ-будто является цѣлью. Но эта цѣль обладаетъ страннымъ свойствомъ: она отда-

1) Ethik. d. reinen Willens, стр. VIII.

2) Ibid., 2.

3) Ibid., стр. 389—390.

ляется отъ насъ, какъ только мы дѣлаемъ попытку къ ней приблизиться. И здѣсь намъ приходится днемъ съ фонаремъ искать человѣка. Мало того, изъ разсужденій автора оказывается, что истинному человѣку, тому самому, который является субъектомъ этики,—суждено оставаться вѣчнымъ искомымъ: сущность человѣка,—его „самость“ никогда и ни при какихъ условіяхъ не можетъ быть дана: она намъ только задана: это—задача, которая никогда не можетъ быть разрѣшена ¹⁾.

Въ итогѣ этика чистой воли ищетъ и находитъ истинную душу человѣка „какъ бы по ту сторону“ индивидуальнаго явленія ²⁾. Истинный индивидъ есть только идея ³⁾.

Какъ же относится это ученіе къ человѣку эмпирическому, данному? Въ принципѣ оно его отрицаетъ: ибо оно вообще не признаетъ ничего даннаго. Противоположность между этикой и религіей именно въ томъ и заключается, что въ религіи вопросъ о *судьбѣ индивида*—тотъ центръ, вокругъ котораго все вращается ⁴⁾. Между тѣмъ этика чистой воли относитъ всякое ученіе о загробной жизни индивида къ области миеологіи. На вопросъ о конечной его судьбѣ, о его безсмертіи, она отвѣчаетъ коротко и ясно: „знать не могу, а потому и знать не хочу“ ⁵⁾. Правда, она включаетъ въ себя вопросы, „откуда и куда“ этотъ міръ и человѣкъ, не устраняетъ и вопроса о безсмертіи; но она ставитъ и обсуждаетъ ихъ „согласно правиламъ своей методикѣ“, иначе говоря, попросту сводитъ ихъ на нѣтъ: она замѣняетъ ихъ вопросомъ о „вѣчности“, который, какъ мы увидимъ, не имѣетъ ничего общаго съ индивидуальнымъ безсмертіемъ ⁶⁾. Самое „личное единство“ индивида—не болѣе какъ эгоистическій предразсудокъ“. Мнимое единство лица на самомъ дѣлѣ есть только „единичность“ (Einzelheit),

¹⁾ Ibid., стр. 384, 340, 350, 392, 260.

²⁾ Ibid., стр. 9.

³⁾ Ibid., стр. 40.

⁴⁾ Ibid., стр. 48.

⁵⁾ Ibid., стр. 49, 414—415.

⁶⁾ Ibid., стр. 52, 414—415.

которая дѣлаеть человѣка экземпляромъ, частью стада, животнымъ, а не нравственнымъ существомъ. Личность— только абстракція, своего рода маска; человѣкъ же какъ единоличное существо намъ не данъ, а только кажется даннымъ. Самая психологія даетъ множество тому доказательствъ. Въ составѣ тѣла человѣка происходитъ непрерывная смѣна частей. Также и во внутреннемъ его мірѣ замѣчается безпрестанный переходъ отъ нормальной къ повышенной или къ пониженной духовной бодрости, отъ ослабленія вниманія къ полному пробужденію сознанія. „Не есть ли и въ психологическомъ смыслѣ самосознаніе нѣкотораго рода фикція? Развѣ мы не знаемъ о существованіи философовъ, которые сомнѣвались въ самой реальности „я“ и ее оспаривали, а на ея мѣсто ставили собраніе представлений?“¹⁾

Если въ этикѣ чистой воли такимъ образомъ неясенъ ея предметъ и ея субъектъ, то по меньшей мѣрѣ столь же неясною остается ея задача и цѣль: ибо мы видимъ здѣсь „вѣчность“, къ которой невозможно приблизиться, потому что она отстоитъ на безконечно далекомъ разстояніи отъ каждаго даннаго пункта времени²⁾. И такъ какъ при этомъ она недостижима для дѣйствительнаго *душевнаго* человѣка, то непонятно, какъ она можетъ служить для него задачей. А между тѣмъ кому же осуществлять нравственную задачу, какъ не живому человѣческому лицу? Отсюда—двойственность въ „Этикѣ чистой воли“. Согласно характерному признанію ея автора, она отвлекается отъ природы и отъ природныхъ свойствъ человѣка, потому что только въ этомъ отвлеченіи она можетъ осуществить свою чистоту; но таковъ тяготѣющій надъ нею рокъ, что она должна отрѣшиться отъ природы и однако прикована къ ней³⁾: ибо нравственная задача не можетъ быть осуществлена помимо природнаго человѣка и человѣчества. Съ одной стороны, чистая

¹⁾ Ibid., 188—189, 230, 247—248, 235.

²⁾ Ibid. 411; ср. *Natorp*, Religion innerhalb der Grenzen der Humanität, 121.

³⁾ Ibid., 438.

воля не есть воля душевнаго, природнаго человѣка; съ другой стороны, для ея процвѣтанія необходимъ человѣкъ, притомъ человѣкъ съ здоровымъ желудкомъ ¹⁾.

Имѣемъ ли мы тутъ дѣло съ противорѣчіями дѣйствительными или кажущимися? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо вникнуть въ особенности того „трансцендентальнаго“ или „чистаго“ метода Когена, который составляетъ душу его философіи. Для этого метода существенно, что онъ отвлекается отъ индивидуальнаго человѣка, исходитъ не изъ его души и не на ней сосредоточивается: это—„методъ чистоты“, который исходитъ изъ чистой мысли и отрѣшается отъ всего внѣшняго, конкретнаго, даннаго.

Общее положеніе, на которомъ строится какъ этика, такъ и логика Когена, заключается въ томъ, что чистой мысли ничего не дано извнѣ: все „данное“ она производитъ сама изъ себя: нѣтъ такого „нѣчто“, которое послужило бы для нея послѣднимъ основаніемъ ²⁾. Первое, изъ чего должно исходить изслѣдованіе, есть не вещь, а само познаніе вещей, поскольку оно дано въ наукѣ: только путемъ изслѣдованія познанія могутъ быть установлены самыя вещи. Не будучи намъ даны въ дѣйствительности, вещи только кажутся намъ данными: онѣ суть предметы (Vorwürfe), т.-е. ихъ существованіе сводится къ тому, что мысль мечетъ ихъ передъ собою ³⁾.

Съ этой точки зрѣнія намъ становится понятнымъ отрицательное отношеніе „Этики чистой воли“ къ живому человѣку и къ его психикѣ. „Метода чистоты“ отбрасываетъ индивида и его душу, какъ и все вообще извнѣ данное. Для нея истиннымъ субъектомъ можетъ быть не что-либо эмпирическое, а только такое лицо, которое въ свою очередь является созданіемъ чистой мысли. Вещи—предмету соотвѣтствуетъ субъектъ какъ под-лежащее, то, что мысль подкладываетъ подъ что-либо, единство, которое она кладетъ

¹⁾ Ibid., 295.

²⁾ Ibid., 101—102.

³⁾ Ibid., 93; Logik d. reinen Erkenntniss, 93, 276, 501, 55—56.

въ основу какой-либо дѣятельности. Вотъ почему въ этикѣ важнѣйшимъ результатомъ „методы чистоты“ является отдѣленіе элемента этического отъ элемента психическаго въ понятіи субъекта ¹⁾. Этический субъектъ не есть душа, не есть что-либо родившееся или прирожденное: самое понятіе характера, доброй или злой воли есть предразсудокъ. Именно этимъ по Когену опредѣляется огромное положительное значеніе „методы чистоты“ для этики. Еслибы субъектъ представлялъ собою нѣчто данное, рожденное и воспитанное въ опредѣленной средѣ, этика не имѣла бы смысла и не была бы возможна: она была бы цѣликомъ поглощена антропологіей и социологіей ²⁾. „Чистое“ есть вообще несмѣшанное, т.-е. свободное отъ всякаго эмпирическаго содержанія ³⁾; соотвѣтственно съ этимъ и субъектъ этики не есть эмпирической субъектъ: „чистая воля“ этого субъекта должна быть понимаема какъ прямая противоположность всему данному. Этимъ *чистая воля* отличается отъ *желанія*; послѣднее направлено на внѣшній предметъ, будь то пища или владѣніе или господство. Напротивъ, „чистая воля“ какъ и чистая мысль сама изъ себя производитъ все свое содержаніе ⁴⁾.

II.

Живой человекъ не находитъ себѣ мѣста въ „Этикѣ чистой воли“, потому что здѣсь онъ замѣняется отвлеченнымъ понятіемъ, точнѣе говоря, *методомъ, способомъ научной мысли о человекѣ*. Необходимость этой замѣны коренится въ самомъ существѣ „метода чистоты“. „За бытіе должно считаться только то, что можетъ произвести сама мысль“ ⁵⁾; „только то должно считаться даннымъ мысли, что она сама можетъ найти“ ⁶⁾. Бытіе вообще основано не въ себѣ самомъ:

¹⁾ Ibid., 95.

²⁾ Ibid., 96.

³⁾ Ibid., 29.

⁴⁾ Ibid., 142.

⁵⁾ Logik., 67.

⁶⁾ Ibid., 68.

оно возникает впервые въ мысли ¹⁾. „Мысль создаетъ основы (Grundlagen) бытія. Идеи суть эти основы, эти основоположенія (Grundlegungen) ²⁾).

Смыслъ всѣхъ этихъ сужденій какъ будто бы тотъ, что чистая мысль для Когена есть абсолютное. И въ самомъ дѣлѣ, онъ учитъ, что мысль сама въ себѣ имѣетъ свое начало или источникъ ³⁾. Ей принадлежитъ безграничная творческая самостоятельность ⁴⁾. Въ ея понятіи безконечно малаго заключается та *абсолютность*, которая обосновываетъ происхожденіе существующаго ⁵⁾. Наконецъ, мы находимъ у Когена самое рѣшительное утвержденіе *тождества мысли и бытія*. Весь смыслъ логики, по его признанію, заключается въ этомъ положеніи древняго Парменида: „нѣтъ той проблемы бытія, для разрѣшенія которой не заключалось бы задатковъ въ мысли ⁶⁾. Бытіе есть бытіе мысли. Поэтому мысль въ качествѣ мысли бытія есть мысль познанія“ ⁷⁾. Это ученіе о тождествѣ для Когена настолько выражаетъ собою принципъ истиннаго знанія, что съ его родоначальника—Парменида—онъ ведетъ начало научной философіи ⁸⁾.

Прибавимъ къ этому характерное признаніе Когена, что за логикою, именно вслѣдствіе ея ученія о тождествѣ, остается область интересовъ старой метафизики ⁹⁾, и разбираемое ученіе покажется намъ чрезвычайно схожимъ съ *панлогизмомъ* Гегеля. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи это сходство оказывается призрачнымъ: въ дѣйствительности между обоими ученіями есть цѣлая пропасть.

Отличіе Когена отъ Гегеля заключается въ томъ, что, признавая тождество мысли и бытія, первый не дѣлаетъ выте-

¹⁾ Ibid. 28.

²⁾ Ibid., 18.

³⁾ Ibid., 11.

⁴⁾ Ibid., 32.

⁵⁾ Ibid., 116.

⁶⁾ Ibid., 501.

⁷⁾ Ibid., 14.

⁸⁾ Ibid., 27.

⁹⁾ Ibid., 14.

кающаго отсюда прямого логическаго вывода, что мысль есть сущее. Принимая ученіе, которое можетъ имѣть смыслъ лишь въ опредѣленной метафизической, монистической системѣ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ отрещивается отъ всякой метафизики. Онъ видитъ глубочайшее недоразумѣніе платонова ученія въ его метафизическомъ пониманіи идеи ¹⁾. Онъ упрекаетъ Канта за то, что тотъ въ своей „Критикѣ чистаго разума“—въ плѣну у старой метафизики ²⁾ и видитъ сущность этическаго идеализма въ отрѣшеніи отъ метафизики всякаго рода ³⁾; по отношенію къ послѣдней идеалистическая этика и логика составляютъ методическую противоположность ⁴⁾. Главное же отличіе обоихъ мыслителей заключается въ томъ, что у Гегеля мысль типостазируется, превращается въ мировую сущность: тождество мысли и бытія здѣсь выражается въ понятіи абсолютнаго духа, и соотвѣтственно съ этимъ весь мировой процессъ понимается какъ процессъ діалектическій. Напротивъ, у Когена мысль, тождественная съ бытіемъ, есть мысль научная, выразившаяся въ *фактъ научнаго познанія*, т. е. въ концѣ-концовъ—мысль человѣческая. Поэтому для него самая *„истина заключается въ признаніи научнаго разума: она основывается на немъ“* ⁵⁾. Пониманіе мысли какъ „сущаго“ совершенно ему чуждо; онъ далекъ отъ метафизическаго монизма и видитъ въ субстанціи лишь совокупность модусовъ ⁶⁾. Онъ категорически отрицаетъ абсолютную субстанцію въ гегелевскомъ смыслѣ ⁷⁾.

Здѣсь отличіе сказывается какъ нельзя болѣе рѣзко: если ученіе Гегеля есть *панлогизмъ*, то точка зрѣнія Когена можетъ быть охарактеризована какъ *панметодизмъ*. Для Гегеля истина—самъ объективный процессъ раскрытія Сущаго Разума; напротивъ, для Когена она—только правильный спо-

¹⁾ Ibid., 12.

²⁾ Ethik d. reinen Willens, 315—316.

³⁾ Ibid., 330—332.

⁴⁾ Ibid., 428, 431.

⁵⁾ Ibid., 91.

⁶⁾ Logik, 211.

⁷⁾ Ethik, 187.

собъ мысли человѣческой, научной, иначе говоря, — *она есть методъ*. „Истина“, говорить онъ, „заключается въ единомъ методѣ логики и этики. Она не можетъ быть обнаружена какъ данное. Она не можетъ быть принята какъ фактъ природы или исторіи, который лежитъ передъ нами или можетъ быть раскрытъ. *Она не есть сокровище, но копатель сокровищъ. Она есть методъ*, но не изолированный и не поддающийся изолированію методъ, а такой, который приводитъ въ гармонію основное различіе разумныхъ интересовъ“. Доводя до конца эту точку зрѣнія, Когенъ не останавливается ни передъ какими послѣдствіями: для него истина перестаетъ быть отличнымъ отъ науки *искомымъ*: онъ отождествляетъ ее съ самымъ процессомъ изслѣдованія: „истина состоитъ единственно въ исканіи истины“ ¹⁾.

Вообще, нѣтъ той истины въ сферѣ дѣйствительнаго или должнаго, которая бы для Когена не сводилась къ методу: всякій вообще предметъ, по его ученію, „заключается единственно въ чистомъ познаніи“ ²⁾. Это „всеобщее методическое значеніе предмета есть оружіе противъ предразсудка, будто, какъ говорится, предметъ намъ данъ“ ³⁾. Предметная дѣйствительность вообще сводится къ способу мысли, которая ее создаетъ: познаніе вещей, какъ оно дано въ наукѣ, первѣе самихъ вещей ⁴⁾; самое движеніе обозначаетъ не что иное, какъ единство всѣхъ методовъ ⁵⁾. Напрасно было бы съ этой точки зрѣнія искать въ дѣйствительности или надъ дѣйствительностью чего-либо отличнаго отъ мысли и ея методовъ: для Когена дѣйствительность сводится къ категоріи „единичнаго“, а абсолютное — къ гипотезѣ чистой мысли ⁶⁾, т. е., иначе говоря, къ методу. Самая идея Бога съ этой точки зрѣнія — не болѣе какъ *методическое поня-*

¹⁾ Ethik, 91.

²⁾ Logik, 201.

³⁾ Ibid., 276.

⁴⁾ Ethik 93.

⁵⁾ Logik 196; ср. Ethik, 130.

⁶⁾ Logik, 505; Eth. 429.

tie: методика исчерпываетъ его содержаніе ¹⁾). Какъ въ логикѣ, такъ и въ этикѣ все сводится къ „методикѣ“. Цѣль нравственной дѣятельности человѣка и человѣчества есть „вѣчность“; но это—вѣчность не дѣйствительная, а только методическая. Она—не болѣе какъ нашъ способъ мысли о вѣчности, наша „точка зрѣнія“ (Blickpunkt). Она лишь постольку для насъ достовѣрна, поскольку она воздвигается на методическомъ основаніи.

Въ послѣдующемъ изложеніи мы увидимъ, что всѣ вообще этическія понятія, какъ то—субъектъ нравственной дѣятельности, ея объектъ, свобода суть не болѣе какъ „методическія идеи“ или методы. Самое „человѣчество“, которое служить началомъ и концомъ нашей нравственной дѣятельности—не живое собирательное цѣлое, не единство во множествѣ индивидовъ, а только *способъ нашей мысли о цѣли* нашей дѣятельности. Для Когена понятіе цѣли исчерпываетъ собою понятіе человѣчества: „для понятія человѣчества нѣтъ болѣе точнаго содержанія, чѣмъ понятіе цѣли“ ³⁾). Относительно того же понятія цѣли въ „Логикѣ“ нашего автора говорится, что оно есть „методъ“ ⁴⁾).

Съ точки зрѣнія панметодизма мысль вообще, и въ частности мысль научная, создаетъ свои предметы. Только въ связи съ этимъ воззрѣніемъ намъ становится понятнымъ рядъ изреченій Когена, которыя во всякой другой системѣ могли бы показаться странными,—что Галилей создалъ матерію, потому что онъ ее впервые опредѣлилъ ⁵⁾, что воля не могла существовать раньше Платона, потому что Платонъ впервые создалъ этику ⁶⁾, что пророки измыслили че-

¹⁾ Ibid., 447.

²⁾ Eth., 410.

³⁾ Eth., 320.

⁴⁾ Logik, 309.

⁵⁾ Ibid., 125.

⁶⁾ Logik., 20; ср. Eth., 112: нравственности не было, пока она не была познана какъ таковая.

ловѣчество¹⁾ и Бога²⁾ и, наконецъ, что вся дѣйствительность природы покоится на нашемъ основоположеніи, гипотезѣ³⁾. Здѣсь рѣчь идетъ не о живой природѣ, а о „природѣ естествознанія“. Именно она обусловлена чистой мыслью⁴⁾, и только она представляетъ интересъ для Когена.

III.

Изъ предшествовавшего ясно, что въ изучаемой нами системѣ можно найти все, что угодно,—кромѣ жизни. Въ ней есть и Богъ, и человѣкъ, и вѣчность, и свобода, міръ матеріальный и міръ духовный. Но всѣ эти понятія у Когена получаютъ разъясненія, которыя во многомъ напоминаютъ сенатскія: они сводятъ на-нѣтъ все то, что они разъясняютъ. Въ результатѣ оказывается, что нѣтъ ни Бога, ни человѣка, ни вѣчности, ни свободы, ни міра матеріального, ни міра духовнаго. Есть только наши „точки зрѣнія“, „идеи“ и „категоріи“, словомъ,—способы нашей мысли. Вся живая дѣйствительность здѣсь лишена внутренней жизни и превращена въ какой-то методическій гербарій.

Эта черта дѣлаетъ намъ понятною попытку Когена „ориентировать“ этику въ юриспруденціи; она объясняетъ намъ въ особенности—основной парадоксъ его нравственнаго ученія—замѣну живого человѣка лицомъ юридическимъ, возведеніе послѣдняго въ нравственный идеалъ и первообразъ.

Понятно, что философія, которая интересуется не самимъ міромъ дѣйствительнаго и должнаго, а только нашими на него точками зрѣнія, можетъ соприкасаться съ этимъ міромъ не непосредственно, а только черезъ посредство какой-либо научной дисциплины: мы можемъ знать методы лишь поскольку они выразились въ той или другой опре-

¹⁾ Eth., 146.

²⁾ Ibid., 87.

³⁾ Ibid., 435—436.

⁴⁾ Ibid., 437.